

UDC: 316.3:39**POMORS: THE HISTORICAL AND CULTURAL GENESIS****Doctor of Philosophical sciences, Professor, O. V. Andriyenko**

Donetsk National University, Ukraine, Kramatorsk

In the article the historical and cultural aspects of Pomors genesis in the context of history of the Russian North have been analyzed. Dialectical, historical and general logical methods such as analysis, synthesis and generalization of separate facts and data have been used in the work. Pomor culture is a culture of indigenous people of the Russian North. Pomors actively dealt with fishing, merchant shipping and shipbuilding. Pomor way of life is directly depended upon their economic activity. They dealt with hunting, fishing, smoldering, brewing, salt extraction, pottery and arts and crafts. In the article the accent has been made on the variability of interpretations of the notion "Pomors" and on the peculiarities of their national character which is the result of historical and cultural development of these people.

Key words: Pomors, Russian History, Tradition, Culture, Ethnos.

доктор философских наук, профессор, Андриенко Е. В. Поморы: историко-культурный генезис / Донецкий национальный университет, Украина, Краматорск

В статье проанализирован историко-культурный аспект генезиса поморов в контексте истории Севера России. В работе были использованы диалектический и исторический методы, а также логические методы анализа, синтеза и обобщения отдельных фактов и данных. Поморская культура представляет собой культуру коренного народа российского севера. Поморы активно занимались рыболовством, торговым мореплаванием и судостроением. Быт поморов напрямую соприкасался с их

промысловой деятельностью. Они занимались зверобойным промыслом, рыболовством, смолокурением, пивоварением, добычей соли, владели гончарным делом и декоративно-прикладным искусством. В статье сделан акцент на вариативности интерпретаций самого понятия «поморы» и на особенностях поморского национального характера как результата исторического и культурного развития этого народа.

Ключевые слова: поморы, российская история, традиция, культура, этнос.

Поморы – это небольшая по численности, но самобытная этнографическая и этнорелигиозная группа старожильского русского населения на Белом море, которая всегда привлекала к себе внимание исследователей.

Целью данной работы является исторический анализ историко-культурного генезиса поморов.

В настоящее время нет единой точки зрения на понятие «поморы». Существует пять основных отличающихся друг от друга подходов:

- Поморы – это местная группа людей внеэтнического характера, связанных похожим образом жизни и родом хозяйственной деятельности;
- Поморы – это региональное и нейтральное в этническом смысле название русского населения, проживающего на Архангельском Севере;
- Поморы – это этнографическая группа русского старожильского населения, проживающая по берегам Белого моря;
- Поморы – это русский субэтнос, обитающий на Беломорье;

- Поморы – это отдельный от русских этнос предположительно финно-угорского характера, включающий в себя все старожильческое до 1917 г. архангелогородское население, за исключением лопарей, карел, зырян и самоедов.

Русский историк XVIII века В. Н. Татищев, употребив в своей «Истории Российской» термин «Поморье» в разных местах и с разным смыслом, сам того не желая положил начало его вольной трактовки, которая продолжается до настоящего времени и включает обозначение: 1) территории беломорского побережья от Онеги до Кеми; 2) территории всего беломорского побережья; 3) территории всего Русского Севера [10].

Одними из первых, кто изучал особенности культуры и быта крестьян севера европейской части России (исторического Заволочья, Поморья, Русского Севера) с научной точки зрения были этнографы XIX в. В. Н. Майнов и П. Н. Рыбников.

А. И. Шренк, русский естествоиспытатель и этнолог XIX в., одним из первых поставил вопрос о необходимости анализа особенностей областных выражений русского языка, употребляемых в Архангельской губернии Российской империи [11, с. 56].

В советское время архангельские говоры, в том числе – поморский, исследовали И. С. Меркурьев, И. И. Дуров, К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова. В XX в. в книге «Этнография народов СССР» известный советский ученый С. А. Токарев отнес заонежан и поморов к «обособленным» группам [12, с. 201].

Большую этнологическую, лингвистическую и фольклорную работу в Архангельской области провела Т. А. Берштрам. Во второй половине XX в. она написала классические работы по истории и этнографии поморов. В 1978 г. Т. А. Бернштам опубликовала монографию «Поморы: формирование групп и система хозяйства» [2], а в 1983 г. –

«Русская народная культура Поморья в XIX–начале XX в.: этнографические очерки» [1].

Т. А. Бернштам видела в поморах носителей севернорусской культурной идентичности и рассматривала их как субэтническую группу. В качестве группообразующих характеристик она предложила рассматривать: связанную с морем жизнедеятельность (традиции и опыт северного мореплавания, приемы рыбной ловли и боя морского зверя), особенности повседневной жизни и устройство быта (сложносоставная семья, положение женщины в семье, особенности питания, отличия бытовой и праздничной одежды, устройство жилищ, бытовых и хозяйственных построек), говор и особенности фольклора (праздники и традиции, обряды и обрядовые песни, пословицы, сказания), физические характеристики, религиозные верования.

Ю. Ф. Лукин добавил к группообразующим характеристикам представления поморов о своей особости. В отличие от Т. А. Бернштам Ю. Ф. Лукин считает поморов коренным малочисленным народом, проживающим на побережье и островах Белого моря. В свою очередь, В. В. Ануфриев рассматривает идентичность поморов как культурно-историческую, а не культурно-этническую категорию. По мысли В. В. Ануфриева, поморы – это группа людей, объединенных определенным образом жизни и хозяйствования [8].

Большинство исследователей сходится на том, что поморы представляют собой этнографический феномен, охватывающий близкородственное по хозяйственным и культурным традициям и говору население побережий Белого моря. По своей материальной и духовной культуре поморы сходны с русским и финно-угорским населением Русского Севера, в частности – с карелами. В XXI в. традицию их этнографического изучения продолжили И. В. Власова, Ю. Б. Симченко и В. А. Тишков. В частности, В. А. Тишков

рассматривает поморов как этническую подгруппу русского этноса [9, с. 289].

Этнохороним «поморы» произошел от названия западного берега Белого моря от города Онега до города Кемь – Поморского берега. Этнокон «помор» стал употребляться с конца XVIII в. В конце XIX в. поморами называли занятых на рыбных и зверобойных промыслах промышленников из Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского и Кольского уездов Архангельской губернии, ходивших на Мурман и север Норвегии. Как исторических преемников традиционной поморской культуры, в настоящее время поморами называют население, проживающее в населенных пунктах по берегам Белого моря и в низовьях Мезени.

В исторических документах с XVI в. засвидетельствован другой местный термин – «поморцы». Он обозначал население, проживавшее на Поморском берегу Белого моря от р. Онеги до Кеми, и занятое рыбной ловлей на Мурмане, северном побережье Кольского полуострова. Со временем, деревни, жители которых занимались исключительно морским промыслом, появились также на Летнем и Зимнем берегах Белого моря.

С конца XVII в. на Русском Севере поморцами стали называть членов общин так называемого Поморского согласия, течения в старообрядчестве оформившегося в ходе раскола русской православной церкви. Возможно, в связи с этим обстоятельством и получил распространение новый термин поморы взамен старого – поморцы, для обозначения одной и той же группы русского старожильческого населения.

Есть основание предполагать, что возникновение терминов «поморцы» и «поморы» тесно связано с мурманскими рыбными промыслами. Письменные источники местного происхождения второй

половины XVIII и XIX вв. свидетельствуют о том, что поморами называли жителей Поморского берега от Онеги до Кеми включительно, некоторых сел Карельского берега и части сел Летнего и Зимнего берегов, занимавшихся рискованным в то время океанским промыслом рыбы и зверя.

Этногенез поморов был обусловлен слиянием культур протопоморских, преимущественно угро-финских (чудских) племен Беломорья и первых древнерусских колонистов, активно заселявших территории Заволочья. В XII–XV вв.

В XIX в. Поморье стали также называть Русским Севером, европейским севером России и т.п. Впоследствии термин Поморье стал размываться, этноним «поморы» стал вытесняться обезличенным термином «северяне», однако, несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе (этноним великороссы возник в XIX в.), поморы сохранили свое этническое (национальное) самосознание до наших дней.

Славянская колонизация Поморья началась в IX–XI вв. нашей эры. Их привлекали в северных районах в первую очередь богатые естественные ресурсы, пушные и морские звери, рыба и птица. Пришельцы (словене-ильменские) занимали удобные для себя земли, строили села и владели ими на правах частной собственности. О совместном проживании чуди и первых словенских переселенцев свидетельствуют письменные источники, археологические находки, топонимика, фольклорные предания. Словене-ильменцы, выходцы из Великого Новгорода, которые, придя на земли заселённые чудью, угро-финскими и другими племенами, перемешались с ними и ассимилировали последних.

В антропологическом типе «северных русских» поморов наблюдаются некоторые финские черты, возникшие от смешанных

браков. Гораздо позже долю своей крови добавили выходцы из Владимиро-Ростово-Суздальских земель, а еще позже норманны – викинги или просто норвежцы – скандинавы.

На северном берегу Белого моря жили саамские (лопарские) племена, занимавшиеся охотой, рыболовством, оленеводством, а земли в низовьях рек Печоры и Мезени заселяли неизвестные племена – предположительно народ печора, жившие до прихода на эти земли в конце XIII–начале IV вв. племен самоеды (ненцев) [7, с. 35]. В таежных лесах по берегам многоводных рек Печоры и Вычегды жили предки народов коми, ижемцев, устьяков и коми-зырян. На северном Урале и за Камнем (Уральским хребтом) жили югорские племена.

Соприкосновение пришельцев и аборигенов также приводило к двум последствиям: в одном случае к постепенному сближению и ассимиляции, в другом – к сохранению своей площади, но с вкраплением в этот ареал славяно-русских селений, со взаимным влиянием друг на друга, особенно в этнографическом отношении (карелы, коми). В то время как славяне заселяли бассейн Северной Двины, коми стали передвигаться в район верховьев рек Мезени и Вашки, образовав здесь «волость Удорскую, а Вашки тож» [5, с. 68].

Историки утверждают, что этноним «помор» возник не позднее XII в. на юго-западном (Поморском) берегу Белого моря и в течение XIV–XVI вв. распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения. Этноним «русский» начал свое хождение с момента образования единого централизованного государства Русь в XV–XVI вв. Ранее термин «русский» имел значение, аналогичное термину «россиянин», и обозначал все население Руси, находящееся в подданстве у великого князя московского. Некогда «ничейные» земли Поморья (Заволочья) взяло под свою опеку Новгородская Вечевая республика (Новгородская Русь), а после победы над новгородцами

московского князя Ивана III в июле 1471 г. на реке Шелони поморские земли были присоединены к зарождающемуся русскому государству.

К началу XVI в. на побережье Белого моря сформировалось поморское население со специфическим морским рыболовно-зверобойным хозяйством. Рыбные промыслы являлись основным занятием населения и главным источником дохода во всех приморских уездах Белого и Баренцева морей наряду с морским звериным промыслом, оленеводством, лесной промышленностью. Рыболовные промыслы, кроме того, что служили для местных жителей важным источником существования, также давали значительную часть продуктов для вывоза за границу, в северные и центральные губернии России. В отдельных местностях рыболовство являлось единственным источником экономического благосостояния поморов.

В XVII в. Поморье включилось в систему всероссийского внутреннего рынка в качестве морской рыбозверопромысловой области. С ростом численности поморского населения и, далее, в связи с хозяйственной деятельностью монастырей, которые имели существенное влияние на развитие торговли и промыслов, начинают развиваться отдельные виды промыслов, особенно те, которые, во-первых, более надежно обеспечивали пропитание на большую часть года и, во-вторых, добыча которых имела высокую товарность (ценность), то есть пользовалась спросом в областях Российского государства, поставлявших в Поморье хлеб. Вполне естественно, что уже в XVI в. в поморском хозяйстве всех заселенных к тому времени берегов определилась ведущая роль морских промыслов. Согласно иностранным хроникам, в конце XVI в. на Мурманском побережье находилось свыше 7 500 тыс. поморских лодок, на которых занималось морским промыслом около 30 тыс. промышленников.

Одним из главных объектов промысла в Поморье являлась сельдь, лов которой осуществлялся с ноября месяца до вскрытия рек. Сельдь ловили преимущественно неводами и рюжами, которые выступали как тягловые летом и как ставные зимой. Сельдяной промысел производился в бухтах и заливах Белого моря. Выловленная сельдь шла в продажу свежей, в мороженом виде, копчёной или соленой. В мороженом виде вывозили не только в Архангельск, но и в Вологодскую и Олонецкую губернии.

На первом месте по доходности стоял тресковый, или, иначе, «мурманский» промысел. Мурманом в старину называлось пространство от мыса Святой Нос на северо-востоке Кольского полуострова до норвежской границы на северо-западе.

Активное освоение поморами Гандвика (Белого моря) связано с промыслом гренландского тюленя. Тюлень весной мигрирует из Гандвика (Белого моря) на север, в Ледовитый океан, и возвращается обратно зимой. В Гандвике зверь собирается в большие стада, что облегчает его промысел.

Зимний зверобойный промысел начинался в начале февраля и продолжался до конца марта. Прибрежные жители заранее начинали сторожить зверя, порой уходя вдоль берега за 100–150 верст от дома. Сообщения передавались от селения к селению с помощью лошадей, а на Зимнем, Абрамовском, Конушинском и Терском берегах с помощью оленей. В местах сбора промышленников строились специальные промысловые избышки на одну-две лодки (7–15 человек) [6, с. 140]. Промышляя зверя на льдах, поморы заходили в море на несколько километров. Добыв зверя, охотники снимали с него хоровину, а мясо выбрасывали.

По окончании зимней кампании поморы начинали готовиться к вешнему, или весновальному зверобойному промыслу, который

проходил в период линьки зверя с апреля по май. В этот период промышляли белька.

С развитием морских и речных промыслов тесно связана эволюция поморского судостроения. Строительством промысловых судов – крупных и мелких – занимались в Поморье практически повсеместно, но особенно славились мастера Поморского и Карельского берегов. Поморы строили и использовали на разных промыслах самое испытанное морское судно – карбас, а на прибрежном лове – долбленые лодки древнего типа с нашивными бортами – осиновки, веснянки, ледянки и т.д.

Лодка ледянка была одним из самых универсальных плавсредств созданных поморами для хождения по рекам, озерам и особенно арктическим морям. А также для ведения промыслов в суровых зимних условиях и льдах.

Кроме лодки ледянки в Поморье было широко распространено такое плавсредство, как карбас, который был приспособлен для плавания по рекам и морям. Его использовали и как промысловое судно на морских рыбных и звериных промыслах, и как средство транспортировки продуктов питания, сена, строительных материалов и людей.

Выйдя к берегам Ледовитого океана и освоив острова Баренцева моря, поморы занялись мореходством как для рыбной ловли и промысла морского зверя, так и для торговли. Именно торговля с коренными жителями, в основном пушная, дала толчок развитию купечества и купеческого флота, который несколько веков, до начала XVIII в., определял уровень развития поморского арктического мореплавания.

Поморы ходили на промысел не только в Белое и Баренцево моря. Северные мореходы владели секретами прохождения многих морских путей в Карском, Норвежском и Гренландском морях.

В конце XV в. поморы ходили к северным берегам Скандинавии. В поморской навигационной практике этот путь назывался «Ход в немецкий конец». Он проходил вдоль восточного побережья Белого моря и северного берега Кольского полуострова с волоком через полуостров Рыбачий.

Путь через Белое море из Северной Двины стал настолько проторенным и хорошо известным, что с конца XV в. послы датского короля неоднократно и самостоятельно входили в устье Двины при своих дипломатических миссиях в Московское государство. Поморские же промышленники ежегодно и неоднократно ходили через Белое море к Коле и в Печенегскую губу.

До середины XVI в. северные земли не имели источников сбыта, довольствуясь меновой внутренней российской торговлей. Торговлей занимались Кола, Варзуга, Мезень, Кеврола, Пустозерск. Новые источники сбыта возникли в конце XVI в., когда началась торговля с Англией и через Белое море (Архангельск) открылся торговый путь к Западной Европе.

С середины XVI в. начались регулярные торговые отношения Московского государства с Западной Европой через Белое море. Из России вывозили лес (главным образом мачтовый), шкуры – оленьи, лошадиные, лосиные, везли на Запад воск, конский волос, гусиный пух, моржовую кость, сало морских животных.

В XVI–XVII вв. зона промысловой и торговой деятельности стала еще более обширной. Промысловики и мореходы доходили по заполярной территории Западной Сибири до устья Енисея, ходили на Новую Землю, на Шпицберген и прибрежные острова Баренцева и

Карского морей. Вот как назывались основные морские пути XVI века: «Мангазейский морской ход», «Новоземельский ход», «Енисейский ход», «Ход Груманланский».

В XVI–XVII вв. поморы уже совершали регулярные промысловые плавания на Матку (Новую Землю) и Грумант (Шпицберген). С XVI в. они наладили регулярное морское сообщение с заполярным городом Мангазея (Западная Сибирь), а оттуда по рекам и сушей поморские промышленники устремились к Енисею и Лене.

Освоение поморами земель Сибири и Дальнего Востока, активно начавшееся в XVI в., проходило двумя путями. Первый был проложен поморами через северные моря от устья одной реки к другой вдоль побережья Северного Ледовитого океана – Дышащего моря (Студенца, Студеного моря), через город Мангазея на реке Таз в реку Енисей, а по ее правым притокам – на реку Лену и далее на восток. В итоге к середине XVII в. оказалась пройденной Восточная Сибирь, и были открыты европейцам Амур – Ерофеем Павловичем Хабаровым – Святитским, Камчатка, Курильские острова – Владимиром Васильевичем Атласовым, оба устюжане, Чукотский полуостров – Семеном Ивановичем Дежневым, пинежанином.

Уроженцами Великого Устюга, мезенскими, пинежскими и холмогорскими поморами были основаны города Туруханск, Якутск, Верхоянск, Анадырь, поселки Хатанга, Нижнеколымск и другие.

Другой путь освоения Сибири и Дальнего Востока начался с юга Поморья, верховий Северной Двины, где на средства сольвычегодских – поморских купцов Строгановых, Ермак Тимофеевич набрал и подготовил в течение двух лет из населения родного села Борок на Северной Двине боевой отряд поморов. Который по реке Чусовой вышел в более населенную лесостепную часть Сибири. Что открыло

населению Поморья и Московии дорогу на восток, на север и в центр Сибири [3, с. 130].

Основную массу перешедших за Урал людей составляли выходцы из Поморья – мезенцы, двиняне, устюжане, кеврольцы, вологжане, пустоозерцы. Сибирь манила их неосвоенными пространствами, несметными богатствами недр, бесценной пушниной.

11 сентября 1812 г. поморским купцом, уроженцем Тотмы Иваном Александровичем Кусковым, основан – Форт Росс – первое европейское поселение и крепость на побережье северной Калифорнии в 80 км к северу от Сан-Франциско. Форт Росс функционировал с 1812 по 1841 гг. В сентябре 1816 г. на острове Кауаи (Гавайи) началось строительство трех фортов. Форт Елизавета – в честь жены Александра I, форт Барклай и форт Александр. До наших дней сохранились остатки каменного фундамента Елизаветинской крепости, стены двух других были земляные. На территории Елизаветинской крепости была построена небольшая церковь, а на территории Александровской – часовня. Это была первая на Гавайях православная церковь. Деятельность поморов на Гавайских островах продолжалась до 20-х гг. XIX в.

Сегодня сохранился поморский стереотип поведения, самоназвание, этническое самосознание и чувство «особости». Поморский дух и поморский характер – это ценности, которые выковали поморы на протяжении веков, ведя борьбу за самовыживание и существование в суровых условиях Севера и освоения Арктики. Именно эти ценности продолжают определять сущность культуры современных поморов.

Кроме морского промысла, поморы активно занимались охотой, рыболовством, земледелием. Было много кустарных промыслов: вязали сети, изготавливали дуги, сани. Был развит гончарный промысел

в д. Тимощелье, роспись – в Палашелье, медное литье в Кимже. Некоторая изолированность региона после падения экономического значения Севера способствовала консервации там древнего быта.

К началу XX в. на севере России сформировалась своеобразная культура, многие образцы которой можно отнести к мировым достижениям. Во-первых, это своеобразный поморский язык. Богатый, эмоциональный язык поморов возник в XI в. как средство общения между пришлыми новгородцами и местной чужью [5, с. 18].

Второе, – это фольклор. Песня на Севере звучала везде: дома, на работе, на праздниках-гозьбах, свадьбах. Кроме песенных традиций были распространены былины, сказки, заговоры. Причем заговоры можно сравнить с мантрами народов Индии и Тибета.

Третьим отличительным признаком поморской культуры является архитектура. Здесь каждая семья имела большой двухэтажный дом с поветью и взвозом, подвалами, баней, хлевом, амбарами и часто с мельницей, как правило, ветряной, хотя встречались и водяные мельницы. Люди, не знавшие крепостного права жили свободно. Была развита торговля. Товары часто возили в Санкт-Петербург. В панораму мезенских деревень входят большие 2–3 метра высотой кресты, которые бывают надмогильные и обетные. Здесь не редкость увидеть крест в огороде дома. Обычай хоронить умерших рядом с домом существовал до 20-х гг. XX в.

На Севере было сильно развито декоративно-прикладное искусство. Сюда относится знаменитая мезенская роспись, берестяные изделия: туеса, полотухи, короба и другое, гончарные изделия, литейное производство. Многие элементы поморского орнамента имеют связь с искусством южнорусских крестьян, тюркских народов, с Древним Востоком и Индией, Грецией [4, с. 112]. Свастический узор восходит к доарийскому населению Индии. Отсюда

оригинальность мезенской росписи, ее сходство с искусством соседних с русскими Мезени финно-угорских, а также сибирских народностей, сохранивших древние элементы в быту и культуре.

Огромный пласт в культуре поморов занимают религиозные верования. Большинство населения здесь составляли староверы. Заговоры и излечение от болезней с помощью «слов» было нормой жизни. Суровые условия жизни и высокая культура сформировали у людей поморский характер и своеобразную систему поморского воспитания.

Таким образом, поморская культура – это культура коренного народа российского севера. Поморы издавна занимались рыболовством, торговым мореплаванием и судостроением. Жизненный уклад поморов напрямую соприкасался с их промысловой деятельностью. Они занимались зверобойным промыслом, рыболовством, смолокурением, пивоварением, добычей соли. Поморы также владели и гончарным делом, осваивали декоративно-прикладное искусство. Под влиянием жизненного уклада сложился особый национальный поморский характер. Поморы устойчивы в симпатиях и антипатиях, что нередко воспринимается как упрямство и злопамятность. Громкая речь среди поморов – явление редкое, признак крайнего раздражения. Один из самых древних обычаев поморов – не запирают двери дома.

Литература:

1. Бернштам Т. А. *Русская народная культура Поморья в XIX–начале XX в.: этнографические очерки* / Т. А. Бернштам. – Л.: Наука, 1983. – 218 с.

2. Бернштам Т. А. Поморы: формирование групп и система хозяйства / Т. А. Бернштам / АН СССР; Ин-т этнографии; под ред. К.Р. Чистова. – Л.: Наука, 1978. – 425 с.
3. Брызгалов В. В. Русско-скандинавские взаимоотношения на Русском Севере в XIII–XV веках / В. В. Брызгалов // Лодия. – 2005. – №1. – С. 128–139.
4. Еременко В. Е. Поморская культура, кельты в южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур / В. Е. Еременко // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов IV Конференции молодых ученых ИА АН СССР, М., 1988. – С. 110–117.
5. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 / П. С. Ефименко. – М.: Эмет, 2007. – 468 с.
6. Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России / А. А. Жилинский. – СПб.: Питер, 2009. – 362 с.
7. Культура русских поморов / В. В. Ануфриев [и др.]. – М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. – 524 с.
8. Лукин Ю. Ф. Не стыдно говорить о русских поморах / Ю. Ф. Лукин// Арктика и север. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=8169 (Дата последнего обращения – 07.09.2017.).
9. Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. акад., вице-президент РАН Н. П. Лавров. Т. 1: История Архангельского Севера / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. – 688 с.
10. Русские / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН / Серия «Народы и культуры», Т. 1. – М.: Наука, 1999. – С. 15.

11. Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах. Памятная книга Олонецкой губернии на 1866 год / П. Н. Рыбников. – М.: Мир книги, 2006. – 358 с.

12. Токарев С. А. Этнография народов СССР / С. А. Токарев. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 408 с.

References:

1. Bernshtam T. A. *Russian Folk Culture of Pomotyie in 19th – the beginning of 20th centuries: The Ethnographical Essays* / T. A. Bernshtam. – L.: Nauka, 1983. – 218 s.

2. Bernshtam T. A. *Pomors: Group Forming and Economic System* / T. A. Bernshtam / AN SSSR; Institut etnografiyi. – L.: Nauka, 1978. – 425 s.

3. Bryzgalov V. V. *Russian-Scandinavian Relations in the Russian North in 13th – 15th centuries* / V. V. Bryzgalov // *Lodia*. – 2005. – No.1. – S. 128–139.

4. Yeremenko V. Ye. *Pomor Culture, Celts in South Poland and Pomorian Version of Forming of Latinized Cultures* / V. Ye. Yeremenko // *Ancient industry, Art and Trade According to Archeological Data. Tezysi dokladov IV Konferentsiyi molodyh uchenih IA AN SSSR*. – M., 1988.– S. 110–117.

5. Yefimenko P. S. *The Materials on Ethnography of Russian Population of Arkhangelskaya Guberniya Part. 1* / P. S. Yefimenko. – M.: Emet, 2007. – 468 s.

6. Zhilinskiy A. A. *The Far North of European Russia* / A. A. Zhilinskiy. – SPb.: Piter, 2009. – 362 s.

7. *The Culture of Russian Pomors* / V. V. Anufriyev [and others]. – M.: FORUM; Neolit, 2013. – 524 s.

8. Lukin Yu. F. *It is not Shameful to Speak about Russian Pomors* / Yu. F. Lukin // *Arktika i sever*. – [Electronic resource]. – Access regime: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=8169 (The date of the last application – 07.09.2017.).

9. *Pomor Encyclopedia: v 5 t. / gl. red. akad. N. P. Laverov. T. 1: The History of Arkhangelsk North / Pomorsky gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – Arkhangelsk: Pomorskiy gos. un-t, 2001. – 688 s.*
10. *Russians / Institute etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN / Seria “Narody I kulturi”, T. 1. – M.: Nauka, 1999. – S. 15.*
11. *Rybnikov P. N. Ethnographical Essays about Zaonezhzhans. Boom of Memory of Olonetskaya Gubernia of 1866 / P. N. Rybnikov. – M.: Mir knigi, 2006. – 358 s.*
12. *Tokarev S. A. Ethnography of Peoples of the USSR / S. A. Tokarev. – M.: Izd-vo MGU, 2007. – 408 s.*